

ЭТО ЭТЮД О ЖЕНЩИНЕ, КОТОРУЮ СТРАСТНО И ВОЗВЫШЕННО ЛЮБИЛ ПУШКИН, КОТОРАЯ СТАЛА ГЕРОИНЕЙ ЕГО МНОГИХ ПРЕКРАСНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, В ТОМ ЧИСЛЕ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА».

Кто же был прообразом Татьяны?

В последней строфе, которой заканчивается роман, читаем:

«Но те, которым
в дружной встрече
Я строфы первые
читал...

Иных уж нет,
а те далеке,
Как Сади некогда
сказал.

Без них Онегин
дорисован.

А та, с которой
образован

Татьяны милый идеал...
О много, много рок
отъял...».

Иносказание, заключенное в этих строках, легко раскрывалось современниками Пушкина. Наука передала его следующим поколениям, и мы все знаем, что под теми, которым поэт читал первые строфы стихотворного романа, надо понимать декабристов, с которыми Пушкин встречался на юге, в Киншасе, Тульзине, Киве и Одессе, как раз в ту пору, когда он начал писать «Онегина». Иные умерли, как Пестель, Охотников, Сергей Муравьев-Апостол, а те находились в сибирских каторгах и острогах или в разных крепостях. Это были князь Сергей Волконский, генерал Юшневский, полковник Василий Львович Давыдов, Повеяло-Швейковский, Абрамов, майор Владимир Федорович Раевский и многие другие.

Здесь уместно вспомнить, что те и та служили условным шифром в разговорах и переписке южных декабристов. Под теми подразумевались итальянские карбонарии, а та обозначала свободу.

В послании к В. Л. Давыдову Пушкин пользуется этим шифром:

«Когда и ты, и милый
брат,
Перед камином надевая
Демократический
халат,
Спасенья чашу
наполняли
Беспенной мерзлой
струей

И за здоровье ТЕХ
и ТОЙ
До дна, до капли
выпивали!
Но ТЕ в Неаполе шаял,
А ТА едва ли там
воскреснет.
Народы тишины хотят
И долго их ярем
не треснет».

Без внимания осталось упоминание Пушкина о той, с которой образован Татьяны милый идеал. Предполагалось, что иносказание к ней не относится и, следовательно, надо искать прообраз героини романа среди неопределенного числа женщин, знакомых Пушкину. А уж эта задача трудная, а по мнению некоторых, Вересаева например, даже бесполезная.

В данном случае дело обстоит иначе и внимательное чтение романа поможет открыть имя той, которую поэт не хочет назвать, но которая и была прообразом Татьяны.

Замечательно и до сих пор незамечено, что иносказание относится не только к декабристам, но и к той, с которой образован Татьяны милый идеал.

До сих пор при чтении последней строфы романа ее произвольно рассекли на две части. И считалось, что иносказание заключалось только в одной: «иных уж нет, а те далеке».

Между тем заключительный вздох: «о много, много рок отъял» — объединяет всю строфу и она приобретает неожиданный новый смысл. Поэт скорбит и о тех, которых нет, и о тех, которые далеке, и о той, с которой образован идеал Татьяны, скорбит об их общей печальной судьбе, которая разлучила их с поэтом.

Но о декабристах нельзя говорить открыто, поэтому Пушкин прибегает к привычной шифровке, принятой среди заговорщиков. Выше мы уже указывали, в каком смысле декабристы применяли слова те и та.

Поэтому прообраз Татьяны надо искать среди тех, кого рок отъял, т. е. среди жен и подруг декабристов. А это уж задача легко выполняемая, потому что за декабристами, сосланными в Сибирь, последовало одиннадцать женщин. Среди них наиболее близкой образу Татьяны была Мария Николаевна Волконская, урожденная Раевская, героиня супружеского долга.

В связи с этим наблюдением над текстом последней строфы «Онегина» особое внимание привлекает знаменитое пушкинское стихотворение «На холмах Грузии», написанное 15 мая 1829 года во время путешествия в Арзрум, куда Пушкин поехал, чтобы повидать сосланных на Кавказ декабристов. Вспомним черновик этого произведения:

«Прошли за днями дни, сокрылось много лет.
Где вы, бесценные создания?
Иные далеко, Иных уж в мире нет—
Со мной одни воспоминания.
Я твой по-прежнему, тебя люблю я вновь,
И без надежд и без желаний,
Как пламень жертвенный чиста моя любовь
И нежность девственных мечтаний».

Так неожиданно раскрывается героиня чудесного произведения, которое предшествовало заключительной строфе «Онегина».

КТО БЫЛ ПРООБРАЗОМ ТАТЬЯНЫ ЛАРИНОЙ?

Рис. Г. Бурмагиной.

Писателю и литературоведу В. А. Гроссману исполняется 80 лет. В. А. Гроссман продолжает вести большую творческую работу. Сегодня мы печатаем отрывок из его этюда «Татьяны милый идеал».

Взволнованный мыслью о печальной судьбе кавказских друзей, Пушкин естественно думал и о тех, кому на долю досталась еще более горькая участь, кто был в сибирской каторге, и об их женах, которые добровольно в благородном порыве решили разделить горькую участь своих мужей.

Среди них была и та, к которой поэт давно пылал неразделенной любовью. Ей-то и посвящено прекрасное лирическое произведение, в котором впервые появляется зашифровка: «иные далеке, иных уж в мире нет», которая потом превратится в «иных уж нет, а те далеке».

Важно отметить при этом, что мысль о Марии Волконской неизменно присутствует в творческом воображении поэта, как только он касается вопроса о трагической судьбе декабристов.

Женщина, которую Пушкин полюбил такой глубокой и мучительной любовью, о которой вспоминал, как о самом светлом явлении своей жизни, которой посвятил больше поэтических строк, чем какой-либо другой из знакомых ему женщин, которая вдохновила Некрасова на замечательную поэму «о жене подвижнице» — не может быть оставлена исследователем жизни и творчества Пушкина без особого внимания. Она имеет право на внимание русского культурного человека и сама по себе, а не только как вдохновительница нашего величайшего поэта.

Мария Николаевна Раевская-Волконская (1805—1863) родилась в семье прославленного героя эпохи наполеоновских войн генерала от кавалерии, члена Государственного Совета, Николая Николаевича Раевского, вошедшего Жуковским в стихотворении «Певец во стане русских воинов».

Выдающийся полководец, образованный и мужественный человек, он восхищал Пушкина, который с ним и с его семьей проделал большое путешествие по Крыму и Кавказу. Об этом писал Пушкин брату Льву:

«Мой друг, счастливейшие минуты жизни моей провел я посреди семейства почтенного Раевского. Я не видел в нем героя, славу русского войска, я в нем любил человека с ясным умом, с простою прекрасною душой; снисходительного, почтительного друга, всегда милого, ласкового хозяина».

К этому надо прибавить, что декабристы предполагали предложить Раевскому высокий пост военного министра в случае успеха восстания.

Прадед Марии Николаевны со стороны матери был Митрофан Васильевич Ломоносов. Вряд ли нужно добавлять что-нибудь к этому имени. А со стороны отца среди ее предков был «счастья баловень безродный» Григорий Александрович Потемкин, выдающийся государственный деятель, чьи заслуги часто затемнялись тенью от его пороков и недостатков.

Ломоносов, Потемкин, Раевский — вот родословная Марии Николаевны, славная не знатностью происхождения, но выдающимися личными достоинствами и заслугами.

И она оказалась достойной стать в их прославленном ряду. Недаром ее отец, умирая, показал на ее портрет и сказал: «Вот самая удивительная женщина, которую я в жизни знал»...

«Переида», «Редеет облаков летучая гряда», «На холмах Грузии», «Не пой, красавица, при мне», «Бахчисарайский фонтан», «Полтава», «Евгений Онегин», «Дубровский», «Метель», «Капитанская дочка» — таков неполный список произведений, в которых образ Марии принимает возвышенный, идеальный характер.

Русская женщина, мечтательница в юности, любящая и верная жена в зрелом возрасте, то героиня и страдалница, то счастливая подруга и добродетельная мать, отражается в творчестве Пушкина, как разнородность одной и той же Марии Раевской, которую ему посчастливилось узнать, но которая не могла дать ему счастья.

Она и осталась в его сознании как милый идеал.